

ГЛАВА 1

1917 год

Ранним туманным утром Варнака разорвало вражеским снарядом. И все, нет теперь Варнака.

Ох, сколько же этих снарядов у германца! Русская пушка пару раз в день выстрелит. А тевтоны ровно по часам грохотать начинают и снарядов не жалеют. Земля трясется, комья летят. Перепахиваются позиции. Кажется, никто не выживет. Но православные выживать приспособились, так что с этих артобстрелов потери не так уж и велики. Но вот только страх канонада нагоняет лютей, и привыкнуть к ней не получается. И так день за днем.

Но иногда снаряд все же найдет русского человека. Вот как сейчас — Варнака.

Испытывал ли товарищ убитого Гордей Бекетов по этому поводу горе или хотя бы сожаление? Нисколько. Только лишь одно чувство неудобства, которое повлекла за собой эта кончина.

Эх, не успел Варнак совсем немного. Хотели они с Бекетовым в ближайшие дни заканчивать

с опостылевшей войной. Каким образом? Сперва думали перебежать к германцу. Ну а что! Многие перебежали, поскольку германец обещал пленных сытно кормить, да еще неплохо платил за принесенное с собой оружие и снаряжение. Даже поговорка ходила по окопам: «За горох и чечевичу убегаю за границу». Но передумали. Боязно как-то с этими немцами связываться, все же непонятный они народ, не свой. Лучше уж в тыл. Теперь придется Бекетову идти одному. Сегодня же. Смерть Варнака — это божий знак, означающий, что пора бежать. Еще одной зимы в окопах не выдержать.

Бекетов погладил себя по пузу, где в матерчатый пояс были вшиты трофеи с мародерки. Мародерничал он вместе с Варнаком. Тот был родом с Урала, и все его предки и земляки веками занимались разбоем на большой дороге, за что их клеймили, вешали, пороли, выселяли. Но они все равно возвращались в свои места и продолжали разбойничать.

Первые годы войны за мародерство и расстрелять могли. Но порядок уже давно не тот. В окопах брожение. Никакие военно-полевые суды не помогают. Надоела всем война. Надоели офицеры. Надоел и сам царь батюшка. У всех была страшная усталость от окопов. И еще людьми овладевало предчувствие какой-то грандиозной грядущей перемены.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Некоторое время назад сам Бекетов испытывал дичайшую, корежашую душу злость — на войну, на командиров, на царя. Теперь осталась лишь пустота. Бездонная пустота, в которой копошилась алчная и жестокая тьма.

Солдаты бежали от войны, как только могли. Никто не хотел умирать. Дезертирства стали массовыми. А еще пошла мода на самострелы. Пальнешь себе в кисть левой руки, и пусть ее хирург оттяпает, но зато домой отправишься. Но вот только военные врачи научились почти безошибочно выявлять самострелы, так что часто кончались подобные забавы военно-полевыми судами. Как-то Бекетов по пустяковой ране попал к медикам. Так уставший доктор поведал, что нынче каждое пятое ранение у солдат — это самострел.

А как все красиво начиналось! Как в первые дни войны в порыве верноподданнического патриотизма толпы добровольцев рвались наказать зазнавшегося тевтона! И что теперь эти добровольцы думают о своих недавних высоких душевных порывах, если, конечно, живы?

Война, будь она проклята! Низкое, давящее серое небо. Холод. Грязь. Канонада. Передовая. И ставший домом окоп. Впереди — колючая проволока, заграждения. А за ними немцы. Наверное, не такие уставшие. Более сытые. Если у них столько снарядов, то консервов, по всей вероятности, никак не меньше.

От мыслей о консервах заурчало в животе. Бекетов вздохнул. Приподнялся так, чтобы ненароком не выглянуть из-за бруствера и не стать жертвой шальной пули. Сжал сильнее трехлинейную винтовку Мосина. Поморщился — в бок стрельнуло. Все же тридцать восемь лет вчера стукнуло. А это уже давно не тот возраст, чтобы без последствий для здоровья мерзнуть по окопам.

«Все. Решено. Ухожу!» — подумал он и, пригнувшись, отправился тем самым путем, который они давно продумали с Варнаком.

Он выбрался за линию окопов, где никто не обратил на него внимания. И двинул по лощинке да по низу оврага напрямик к ближайшей деревне. Потом выйдет на тракт и доберется до железной дороги. А там — поминай как звали. В тыловом хаосе можно затеряться без труда. А дальше — вагоны, перестук колес. И тихое село на юге России. Родной дом. Родная опостылевшая жена. Там он надежно затаится. И никакие жандармы его не найдут. Тем более дорогих цапек — карманные часы и даже золотишко, на мародерке он поднакопил.

Бекетов скользил по снегу. Утопал в сугробах. Но все-таки вышел на протоптанную тропинку, идущую в овраге вдоль замерзшего от мороза ручья. Оставалось пройти километра три. И не будет ни взрывов, ни стрельбы.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Тут и столкнулся он чуть ли не нос к носу с командиром роты капитаном Лазаревым. Некогда статный и высокомерный блестящий офицер ныне был потрепан, почти не следил за собой, его щеки поросли темной неаккуратной щетиной. А во взгляде застыла какая-то обреченность.

Капитан отсутствующе посмотрел на своего солдата — невысокого, сухощавого, жилистого, с некрасивым рябым лицом и глубокими морщинами на лбу. И будто не узнавал его. Потом больше для порядку взревел:

— Бежать задумал, отродье?

— В деревню, ваше благородие! — хмуро ответил Бекетов. — В животе у нас черти в пляс пустились. Обменяю что-нибудь на еду.

— Обменяю, — передразнил Лазарев. — За оставление позиции и промотание имущества знаешь, что бывает!

— Так голодно же, ваше благородие!

— Тьфу, темнота, — махнул рукой капитан.

Повернулся и зашагал в сторону передовой.

То ли разрешил, то ли нет. Но это уже и неважно. Да, не тот капитан Лазарев стал. Раньше сразу бы в зубы дал. Но растерял былой задор. Выпили окопы его былую душевную силу.

Бекетов задумчиво посмотрел вслед своему командиру. Тут налетел порыв ветра, пробил мороз через латаную-перелатаную, по-

тертую и совсем не греющую солдатскую шинель. Тяжело в такой шинели в окопах. И до дома еще добираться. А у капитана шинель вон какая — новая, теплая. Да и часики его... Да и вообще...

Сняв винтовку с плеча, Бекетов прицелился. Да и выстрелил командиру метко в затылок.

Капитан повалился в снег, как сноп. Даже вскрикнуть не успел. А убийца неторопливо направился к нему.

И едва сам не упал от неожиданности, когда услышал окрик сзади:

— Замер! Винтовку опустил! И не балуй!

Сразу стало еще холоднее. Онемевшими руками Бекетов, понявший сразу, что сейчас лучше не дергаться, а то схлопочешь пулю от обладателя столь уверенного голоса, кинул свою добрую потертую трехлинейку на снег. И осторожно обернулся.

Сзади стоял, поигрывая револьвером, прапорщик Кугель. И откуда только появился, как черт снежный? И что им всем именно сегодня надо на этой тропинке?! Вот же судьбинушка клятая. Как будто Бог обиделся сегодня на солдата.

Прапорщик пристально рассматривал солдата, целясь ему из револьвера в лоб. Потом глумливо улыбнулся и опустил оружие.

Звали этого высокого, плечистого и стройного молодого человека с насмешливым взгля-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

дом Львом Кугелем. И был он фигурой совершенно непонятной и сильно странной. Такая воистину темная лошадка, от которой не знаешь, что ждать и когда она взбрыкнет. С одной стороны, в его голубых глазах читалось стойкое презрение ко всей окружающей действительности. Он будто отодвигал ее от себя. С другой — с его приходом в роту стали появляться листовки, призывавшие к революции. Бекетов был уверен, что именно прапорщик их подсовывал. Да и разговоры вел подрывные: мол, задуматься пора, как дальше жить простому крестьянину, ибо скоро батюшке-царю конец. Все долдонил, что есть люди, которые выступают за крестьянскую вольницу и достаток — это левые эсеры, самая боевая революционная партия. Скорее всего, он сам и был эсером, которого, не разобравшись, со студенческой скамьи военные бюрократы призывали в армию. Сейчас всех образованных призывали и после кратких курсов производили в прапорщики, поскольку младшие офицеры на войне долго не живут и постоянно требуется их пополнение.

Прапорщик Кугель подошел к распростертому на земле капитану. Посмотрел внимательно на уже отдергавшееся тело. Пнул сапогом и сказал:

— Жалкая прислуга эксплуататоров и царских сатрапов. Так со всеми будет.

Потом вперился глазами в Бекетова. Тот подумал, что сейчас прапорщик выстрелит в него. Но Кугель лишь пафосно изрек:

— Новые времена наступают! Крестьянин на Руси свою судьбу в свои же руки возьмет! И перебьет кровопийц!

Бекетов боялся лишний раз вздохнуть. Все ждал выстрела из «нагана». Но прапорщик как-то рассеянно посмотрел на него и махнул револьвером:

— А ты иди, солдатик. Зови Русь к топору. Пусть сильнее грянет буря. — Какой-то лихорадочный блеск появился его в глазах.

Потом Кугель подобрал винтовку. И неторопливо пошел прочь, в сторону передовой.

Бекетов простоял как вкопанный некоторое время. А потом кинулся к капитану, стягивать с него офицерскую гимнастерку и шинель. Шарить по карманам. Дорога предстояла дальняя. И в ней пригодится все...

ГЛАВА 2

1932 год

Каким образом Исай Апухтин успел пригнуться — он и сам не понял. Будто что-то дернуло его и голос с небес велел: «пригнись». И он, не думая, отпрянул назад. Согнулся. И прямо по

БЕСОВСКАЯ БАНДА

волосам над его макушкой прошелестело лезвие увесистого и, наверное, острого топора. Таким вполне можно смахнуть голову.

Не удержавшись на ногах, Апухтин сделал еще шаг назад и упал на пол, больно приложившись спиной о стену. Под рукой что-то треснуло, хрястнуло. И он почувствовал, как рассекается кожа на ладони, наткнувшейся на какую-то железяку, брошенную на лестничной площадке. Боли почему-то не было совсем, но понятно, что рана глубокая и сейчас кровь хлынет потоком. Хотя не об этом надо думать! Выжить бы!

Другой рукой он рефлекторно заслонился солидным кожаным портфелем с золотистыми застежками, который везде таскал с собой. Подарок дяди Яши, единственная дорогая вещь. И возникло совсем уж странное сожаление — не о себе, а о том, что если сейчас рубанут по нему лезвием топора, то разрубят такую хорошую вещь.

Какой идиот сказал, что главное оружие следователя — это авторучка? Какой толк от этой несчастной авторучки?! Сейчас бы двустволку с жаканом на медведя! Потому что тот, кто едва не снес следователю голову, походил именно на разъяренного косилапого, которого ничем, кроме жакана, не остановить.

Вот она, смерть, рядом. Только не с косой, а с топором. И конец всем планам и надеждам.

Обидно до ужаса! Ведь всего-то Апухтин хотел принять участие в обыске и задержании преступника, которого он так тщательно и настырно искал.

Чего у Апухтина не отнимешь — это природной цепкости и ненависти к любому поражению. Вот и вцепился он, как бойцовый бульдог, в то зависшее дело с нападением на кассу лесхоза. Бандиты с особой дерзостью похитили крупную денежную сумму, предназначенную на зарплату и расчеты, а также расстреляли из обрезов троих человек.

Отработали оперативники уголовного розыска по этому делу тщательно. Проверяли десятки людей на причастность. И хоть бы что — дело так и оставалось глухим. Ровно до той поры, пока за него не взялся молодой прокурорский следователь Апухтин. Он с воодушевлением принялся перепроверять, казалось, уже навсегда отпавшие версии. В итоге подработал одну из совсем незаметных фигур — женщину из правления лесхоза. Была она блеклая, снулая и вообще никакая. Как такую заподозрить в злом умысле? Но едва Апухтин заговорил с ней, будто в груди что-то уколело, и возникла уверенность: «Она!»

Он настоял, чтобы оперативники уголовного розыска занялись ею предметно, с применением всех специфических методов агентурно-оперативной работы. Сумел заечь в них уже при-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

лично потухший по отношению к этому делу энтузиазм. В общем, подняли ее подноготную. Установили скрытое наблюдение. А потом хитрыми путями донесли до нее, что она теперь главная подозреваемая и скоро ее могут прийти арестовывать. Эта дура тут же и кинулась к своему подельнику — жаловаться на жизнь и требовать немедленно ее спасти. Кстати, тот оказался ее двоюродным братом и заслуженным рецидивистом. О наличии такого родственника она скромно умалчивала.

Во время встречи в частном доме на окраине Свердловска их и взяли. При обыске глубоко в подполе нашли часть похищенных денег, которые преступники так и не успели потратить. Долго упираться они не стали. Сначала раскололась женщина, а потом и ее двоюродный брат. И по их показаниям возникла зловещая фигура главаря этой шайки. Тот носил кличку Ксендз, происходил откуда-то из Польши и еще при царе людей грабил и убивал. О том, где он скрывается, арестанты не знали.

Поиск главаря банды затянулся на полтора месяца. Наконец, угрозыск выяснил, что Ксендз три месяца жил у них прямо под носом. Снимал комнатенку в центре Свердловска, в старом трехэтажном здании — бывшем доходном доме купцов Востротиных. Как раз рядом с городским управлением рабоче-крестьянской милиции.

Начальник угрозыска Кречетов, получив информацию, тут же собрал группу захвата и объявил следователю, что едет брать душегуба. И Апухтин со всем своим молодым задором напросился в компанию — мол, чтобы сразу все оформить на месте, произвести обыск, первоначальный допрос.

Вошли они в богатый подъезд дома Востротинных. Поднялись на третий этаж. На стук в дверь никто не ответил. Сережа Лисин, ныне опер, а в прошлом человек с богатой биографией, поковырялся отмычкой несколько секунд в замке. И толкнул дверь, приглашая войти. После чего они с Кречетовым двинули внутрь, велел следователю:

— Жди, пока не позовут!

А потом в квартире послышался дикий грохот. Матюги. Вопли. И из дверей на лестничную площадку вывалился звероподобный громила с топором.

И вот Апухтин съежился на полу, прикрываясь портфелем и ожидая, что его сейчас забьют, как барана.

Но мысль у бандита была одна — вырваться и убежать. А для этого снести все преграды на своем пути. Больше не обращая внимания на лежащего на полу следователя, он ринулся вниз по лестнице. Ноги его заплелись. Он упал, прилично приложившись о ступени. Как-то тяжело поднялся. И двинул дальше.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Тут сосулькой в сознание Апухтина воткнулась мысль, от которой он весь замерз. А ведь сотрудников розыска, скорее всего, этот зверюга просто порубил на куски. Они даже выстрелить не успели.

И тут из дверей показался покачивающийся Кречетов. Левый рукав его драпового пальто был пропитан кровью, но начальник угрозыска не обращал на рану внимания. Он перегнулся через перила. Поднял руку с «наганом». И выстрелил три раза.

После первого выстрела шустрый Ксендз споткнулся, уцепившись за перила, но тут же ринулся дальше. После второго упал на колени и пополз. Третьим выстрелом его уgomонили окончательно.

— Вот же... — Кречетов болезненно поморщился.

— Черт, убили. И допросить некого, — разочарованно произнес Апухтин.

Кречетов посмотрел на него изумленно...

Слава богу, Ксендз никого до смерти не зарубил. У Кречетова был глубокий порез на руке. Лисина бандит рубанул по бедру, но кость не переломил. Ему перетянули ногу жгутом и спасли от опасной потери крови. Так что будет жить, ходить. И служить, несмотря ни на что.

Апухтин заявился домой уже поздней ночью с перевязанной ладонью. Аглая, молодая и вечно

насмешливая, но страшно любимая жена, оглядела его критически и потребовала:

— Ну, боец правосудия, рассказывай.

Он пожал плечами:

— Да ничего особенного. Споткнулся на лестнице. Порезался.

— В подробностях, — строго потребовала Аглая, отлично видевшая, когда муж юлит.

Сколько он сам колол преступников. Но так, как жена его умеет раскалывать — в два слова и в один взмах ресницами, — тут можно только позавидовать.

Выслушав сбивчивый рассказ мужа и приперев его наводящими вопросами, Аглая только вздохнула:

— У всех евреи как евреи, то есть богатые адвокаты. И только у меня следователь.

— Сама-то, — скривился Апухтин.

Жена работала в Управлении юстиции Уральской области и вскоре должна была стать областным судьей. Кроме того, она была всегда по макушку погружена в партийные дела и общественную жизнь, жгла глаголом сердца, звала на трудовые подвиги людей, сама шла в первых рядах и вечно находилась в центре внимания. То есть являлась полной противоположностью тихому и скромному в быту мужу, не любящему суету вокруг собственной персоны, но методично и неумолимо делающему свое дело. Вот и со-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

шлись, как положено по диалектическому материализму, две противоположности, образовав в борьбе единство.

— Ну, так я же русская. — С улыбкой она взлохматила ему голову. — Мне расчет вреден. Мне полет нужен...

Начальство оценило заслуги Апухтина по достоинству. Уже через несколько дней, 14 января 1932 года, ему в торжественной обстановке в актовом зале областной прокуратуры вручили памятные часы за изобличение опасной банды. 16 января он отпраздновал свой двадцать четвертый день рождения в очень узком кругу — только он и жена. А 17 января его пригласили на доверительную беседу в Уральский обком.

Принял его второй секретарь обкома Личутин — невысокий, лысый, как колено, и очень энергичный толстяк. Он отвечал за партийное руководство судебными и правоохранительными органами. Апухтин не раз видел его на всяких собраниях в областной прокуратуре, но лично знаком не был. Слишком высокого полета эта птица, чтобы ручкаться с ней простому следователю. Но сейчас секретарь обкома сам протянул руку. И рукопожатие у него было по-пролетарски крепким.

— Молодец! Настоящий зубр правосудия, — улыбнулся секретарь, приглашая гостя присаживаться. — Наслышан я о тебе давно, товарищ

Апухтин. Знатно ты поголовье душегубов в нашей области проредил. Так и должен бороться за правое дело настоящий коммунист.

— Спасибо. Готов служить партии на самых трудных участках, — дежурно отрапортовал Апухтин.

— И это правильно, — обрадовался его словам секретарь обкома и лукаво поглядел на следователя. — Особенно насчет участков. В корень глядишь.

Теперь стало совершенно ясно, что хозяин просторного кабинета с чредой портретов классиков марксизма-ленинизма на стенах куда-то клонит и к чему-то подводит.

— Бандитизм — это родимые пятна старого общества, тяжелое наследие гражданской войны, — напутственно произнес секретарь обкома. — Но мы справимся. С такими коммунистами, как ты, молодыми, надежными, мобильными, — да нам любое дело по плечу.

— И на какой меня участок? — со вздохом спросил Апухтин, оценивший слово «мобильность» и уверенный, что сейчас его зашлют куда-нибудь к чукчам создавать и крепить социалистическую законность. Иначе к чему бы такие изощренные заходы издавека?

— Ну что за паника? — с пониманием посмотрел на него секретарь обкома. — Не бойся. Хорошие места. Теплые. Товарищи с Ростова-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

на-Дону просят помочь. Очень их лихой народец в последнее время донимает. А мастеров не хватает. Ты же у нас мастер по убийствам.

— По раскрытию убийств, — поправил Апухтин, немножко расслабляясь.

Зазвенела в его душе давно уснувшая врожденная практическая жилка. Ростов-на-Дону. Это тепло, солнце, фрукты. Это вам не Урал с его переменчивыми погодками и лютыми морозами. Да еще Аглая — она же из Воронежской области. Рядом совсем.

— Это ты правильно поправил, — улыбнулся секретарь обкома. — Получишь сегодня же на работе направление. На должность оперуполномоченного Управления рабоче-крестьянской милиции Северо-Кавказского края.

— Я же прокурорский работник! — протестующе воскликнул Апухтин.

— Сегодня прокурорский. Завтра — в милиции. Послезавтра в ОГПУ. Но ты прежде всего коммунист, Исая Лазаревич. А партия приказала.... Или есть возражения?

— Какие там возражения, — махнул рукой Апухтин.

Он спустился по гранитным ступеням Уралобкома в каких-то раздвоенных чувствах. Да, южный климат и фрукты — это, конечно, хорошо. Да и Свердловск его ничем не держит — это не его родной город, хотя и прижился тут

за три года. Но сколько же проблем свалится. Переезд на новое место. Новые сослуживцы. Жилье. И, главное, что делать с работой Аглаи? Вряд ли она сейчас снимется с места, хоть и в родные края. У нее своя работа, тоже важная и ответственная. И у нее тоже множество обязательств.

Да ладно, плевать! И правда, тут главное, что это партийное поручение. А коммунисты от них не отказываются. Иначе в партии делать нечего...

ГЛАВА 3

1917 год

До дома Бекетову так и не удалось добраться. Заграбастали его жандармы на железной дороге еще в прифронтовой полосе. С фронта теперь солдаты бежали целыми подразделениями, часто с оружием. Они бесчинствовали, сколачивались в воровские и разбойничьи шайки, так что спасу обывателям от них не было. И теперь специальные усиленные отряды жандармерии тщательно проверяли все поезда и с готовностью стреляли при малейшем неповиновении.

Бекетова и еще двоих дезертиров с мешками, полными награбленного барахла, сняли с набитого народом, как бочка сельдями, вагона. Кинули в камеру в старинном заброшенном мона-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

стыре с толстыми мшистыми стенами, отлично сгодившемся под военную тюрьму.

В начале войны, когда Бекетов только начинал службу, на дезертиров смотрели сквозь пальцы. Их отлавливали и чаще возвращали в их же части. Иногда отправляли в арестантские роты. И только если особо неугомонные бежали с фронта в третий раз, то могли отправить на каторгу, а то и казнить. Но со временем дезертирство приняло такие масштабы, что грозило растворить всю армию, как кипяток растворяет сахар. И в начале 1916 года был принят новый закон. Теперь за побег в военное время грозило до двадцати лет каторжных работ или смертная казнь. И если сначала военное правосудие еще цацкалось, то с каждым днем становилось все злее.

Так что светил Бекетову расстрел. Особенно если принять во внимание, что его записали в компанию к команде мародеров и разбойников, с которыми его задержали в поезде. Те архаровцы с мешками кого-то из обывателей убили, добро награбили. И только согласно кивали в ответ на вопрос, был ли Бекетов вместе с ними. Зачем им это надо? Скорее всего, полагали — чем больше народу в их шайке, тем выше шанс отвертеться от смертной казни. Всех же не перестреляешь. А самого Бекетова никто не слушал. Хотя если дознаватели копать вглубь начнут, тут

тоже ничего хорошего ждать не приходится. Выплывет история с убийством капитана Лазарева. И вот тут без каких-либо лишних вопросов поставят к стенке.

Десятки задержанных в поездах солдат плотно набились в просторной камере с низким сводчатым потолком и мощными железными решетками на узких окнах. Здесь некогда была трапезная монастыря.

Ежедневно кто-то пытался выдрать или подпилить решетки, но те были сделаны на совесть и не поддавались. Да и окна вели во двор монастыря, отлично просматриваемый и простреливаемый караулом. Коридор, в который выходила камера, тоже перекрывался дверьми и решетками. Так что бежать было бесполезно.

Трапезная отапливалась лишь дыханием постояльцев. Холод там стоял страшный, поэтому шинели у арестованных не забирали. И Бекетов, зябко съежившись на нарах, не раз хвалил себя за то, что так предусмотрительно забрал шинель у капитана Лазарева. Ну как забрал — снял с тела. Но это сейчас неважно. А важно было то, что шинель эта грела.

Потекли дни за днями в заключении. От холода и неопределенности солдаты почти не общались друг с другом. Больше были погружены в мрачные думы о своей судьбе.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Бекетову было страшно жалко себя. Никого на свете больше не жалко, а себя до дрожи. Вот, кажется, скажи ему сейчас голос свыше: «Весь мир погибнет, а ты один останешься жить. Согласен?» Так он на коленях ползал и от счастья такого лоб в поклонах разбил бы. Но вот только не скажет ему никто такого. А прозвучит приговор военно-полевого суда, который тут же приведет в исполнение. «Пли!» — и все.

В общем, мысленно Бекетов с жизнью распрощался. И только по привычке истово молился Богу, целуя крестик на груди, чтобы отвел Всевышний беду от раба своего.

А Бог взял да услышал!

Тем утром скудный завтрак не принесли. Народ начал роптать и кричать, бить в дверь камеры. Но это не произвело никакого видимого эффекта.

Неожиданно тяжелая, обитая металлом деревянная дверь с лязгом открылась. На пороге возник крупный отъевшийся охранник со счастливым лицом. Он ликующе возвестил:

— Братцы! Царь отрекся! Правительство временное! Войне конец! Выходите! Вольным воля!

Ответом ему было оторопелое молчание.

— Теперь мы хозяева в Державе! — опять завопил охранник.

И тут вся толпа взорвалась криками. Да и рванула из переполненной камеры в морозный мартовский день 1917 года.

Когда людская масса схлынула, то на полу остался выпустивший ее на волю охранник. Ему кто-то по старой памяти хорошенько саданул кулаком в живот, и он теперь, переводя дыхание, думал, не погорячился ли, выпуская этот сброд на свободу. Как оказалось, у безудержной свободы бывают не только баловни, но и жертвы...

ГЛАВА 4

1932 год

На дверях здания с колоннами стоял строгий часовой в тулупе и валенках — морозы в конце января стояли трескучие.

Апухтин вежливо обратился к нему:

— Мне к товарищу Державину.

— Назначено? — хмуро осведомился часовой.

Апухтин показал предписание о направлении в распоряжение ОГПУ.

Часовой критически осмотрел визитера с ног до головы. Был тот невзрачный, блеклый, худенький, невысокий. И очень молодой. Одет затрапезно — в потертое пальтишко, на голове шапка-ушанка, в руках потертый фибровый чемоданчик и неожиданно солидный кожаный

БЕСОВСКАЯ БАНДА

портфель с золотыми застежками. В целом особо доверия эта личность не вызывала. Но предписание есть предписание — пришлось вызывать дежурного.

Дежурный, ознакомившись с документами прибывшего, кивнул:

— Меня о вас предупреждали.

После чего собственноручно выписал пропуск и провел гостя в здание. Они прошли по коридорам, заполненным разношерстным народом в военной и милицейской форме, партикулярном платье, мечущимся с документами под мышкой и чайниками в руках. Здесь царила так хорошо знакомая Апухтину суета советского учреждения.

В небольшой приемной за узким столом, на котором стояли два массивных черных эбонитовых телефона, гордо возвышалась сухощавая некрасивая секретарша лет тридцати, на ее голове была повязана в комсомольском стиле косынка. Таблички на дверях приемной указывали на обитателей кабинетов. Справа обустроился начальник краевого Управления ОГПУ, а слева — его заместитель.

— Раздевайтесь и проходите, вас ждут, — сухо произнесла секретарша.

Апухтин повесил на круглую напольную вешалку свое знавшее лучшие времена пальто с воротником из кролика, закинул шапку-

ушанку. Стянул галоши и поставил их на специальную подставку. Пристроил рядом чемоданчик с дорожными пожитками. Пригладил перед зеркалом в углу приемной волосы, поправил галстук. Потом остановился перед дверью заместителя начальника ОГПУ, поживившись.

От знакомства с новым руководителем много зависело в его дальнейшей работе и жизни. А по практике он знал, что начальником вполне мог оказаться грубиян, самодур или верхогляд. Поэтому переступал порог кабинета опасливо.

Из-за стола поднялся мужчина среднего возраста и среднего роста, с непомерно широкими плечами. Вышел, протянул громадную, квадратную руку, в которой утонула узкая ладонь гостя.

— Товарищ Апухтин. Присаживайтесь! Ждали вас. Ждали и надеялись, — улыбнулся он и нажал на кнопку звонка на столе.

В комнате тут же возникла секретарша. И хозяин кабинета попросил:

— Лизонька, голубушка, а не устроишь ли ты нам горяченького чайку? Товарищ Апухтин с мороза. А нам молодые кадры беречь надо.

Апухтин примостился за длинным столом для совещаний. Хозяин кабинета уселся не на свое место, а напротив, тем самым создавая доверительную атмосферу.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Отвечая на дежурные вопросы — как добрался, как настроение и дела в Свердловске, Апухтин внимательно оглядывался и изучал детали. Заместитель начальника управления всем своим видом и манерой обращения вызывал доверие. Судя по всему, человек огромной физической силы, он двигался осторожно, будто боясь кого-то ненароком раздавить. Улыбка вполне доброжелательная. Лицо немножко наивное, но взгляд острый и умный. Кабинет — обычный, с кожаным диваном, на котором хозяин наверняка не одну ночь провел, когда не мог добраться домой — работа такая. Но больше всего привлекали внимание книжные шкафы вдоль стены. Там были обязательные труды классиков и практиков — Маркса — Энгельса, Ленина, Сталина. Но еще много посторонней литературы. Это и труды философов, и книги великих дореволюционных писателей — Льва Толстого, Гоголя — и современных вроде Шолохова и тоже Толстого, но Алексея. Похоже, книги здесь были не для антуража, а их действительно читали. Может, повезло, и хозяин кабинета относился к людям не только лихого дела, но и умного слова? Апухтин посмотрелся на когорту грубых и несдержанных начальников правоохранительных ведомств, относящихся к людям только дела, они все норовят рубить шашкой, обо всем широком имеют узкое мнение и не терпят противоречий. С такими ра-

ботать трудно. А с людьми слова всегда можно сработаться интеллигентному человеку... Ладно, поглядим.

Секретарша принесла поднос. На нем были два стакана с крепким чаем, в серебряных подстаканниках, и тарелка с печеньем.

Отхлебывая горячий ароматный напиток, собеседники перешли наконец к делу. С недавнего времени милиция и уголовный розыск фактически перешли под управление органов ОГПУ. Теперь чекисты отвечали и за правопорядок, а Державин был куратором, у которого в руках все нити в борьбе с уголовной преступностью в Северо-Кавказском крае.

— Места у нас тут всегда зажиточные были и беспокойные, — прихлебывая чай, объяснял Державин. — Со всей Руси сюда лихой люд тянуло. Пересечение многих путей. Транспортные узлы и развязки. Кавказ рядом со всеми его феодальными пережитками. Растущая как на дрожжах промышленность и торговля. Всегда здесь было чем поживиться. А еще тут сложились стойкие воровские традиции, поразившие часть деклассированного населения. Ты, товарищ Апухтин, представить себе не можешь, какой бандитизм тут творился еще лет десять назад. Дошло до того, что специальное постановление правительства было по ситуации в нашей губернии. Ростов-папа.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

— И Одесса-мама, — кивнул Апухтин.

— Точно! Значит, владеешь обстановкой! Так эти традиции ведь остаются. Немало еще народа, который застыл в темном прошлом, не желая в будущее.

— Это мы исправим, — усмехнулся Апухтин.

— Конечно. Кого-то пригласим в это будущее. Кого-то затолкаем. А кого-то и оставить придется на обочине, — прищурился недобро Державин, и в его глазах мелькнула та самая хваленая чекистская опасная искорка.

— Это да. — В целом Апухтин с таким подходом был согласен.

— В общем, шальной народец у нас. Убивают и грабят почему зря. Вон, полгода назад бандитскую шайку взяли. Паршивцы сами себя «черными масками» гордо именовали. Нападали на квартиры, дома. И особенно магазины единой потребительской кооперации им приглянулись. Так там только активных «солдат» двадцать три было!

— Да, это размах! — с уважением проговорил Апухтин.

— Ничего, всех взяли как миленьких. Товарищи у нас в органах подобрались боевые. Что на пулю бандитскую, что врукопашную всегда готовы. Но подхода какого-то системного к делу нет. Ухватки хитрой. Поэтому и попросил я помощи. Вот тебя, товарищ Апухтин, и прислали.

Как человека молодого, но уже заслуженного и отмеченного.

Апухтин невольно поморщился. Он терпеть не мог, когда на него возлагали большие надежды. Потому что к ним прилагалась и большая ответственность.

Державин с пониманием посмотрел на него:

— Да не бойся ты. Вместе сдюжим. Где-то ты свежим взглядом что разглядишь. Где-то мы тебе своим опытом поможем. Но эту кровавую баню мы прикроем. — Он хлопнул огромной ладонью по столу так, что стаканы подскочили...

ГЛАВА 5

1917 год

Добирался Бекетов до дома долго. Точнее, даже не добирался — не слишком его туда и тянуло, а просто слонялся по русским просторам, дыша грозovým воздухом свободы.

В апреле он прибыл в Петроград, поразивший своими масштабами, красотой и многолюдьем. Там очень удачно пристроился в солдатских казармах, испытывавших на себе все радости самоуправления армейских комитетов.

Столица Российской империи бурлила. В ней сошлись гигантские природные народные силы,

БЕСОВСКАЯ БАНДА

от близости к которым Бекетов расправлял плечи и сам будто бы становился значительным.

Петроград был наводнен самым разношерстным и часто сомнительным народом. Туда стекались авантюристы, горлопаны всех мастей. А еще сбежавшие с фронта солдаты. Вернувшиеся из Сибири уголовники, выпущенные Временным правительством и прозванные «птенцами Керенского» по имени министра юстиции, инициировавшего беспрецедентную амнистию как политическим узникам, так и уголовным элементам. И все они неслись в каком-то безумном бесконечном круговороте.

Власти как таковой в столице не было. Улицы были предоставлены толпе, и некому было ввести ее хоть в какие-то берега. Из семи тысяч городских в феврале 1917 года убили половину, их трупами были завалены все каналы. Их попытались заменить народной милицией из бывших гимназистов, рабочих и студентов. Получалось у них с выполнением служебных обязанностей совсем плохо. Так что наводить порядок никто не спешил. Гуляй, рванина, обыватель, прячься.

Временное правительство никто не воспринимал всерьез. Зато повсеместно создавались советы рабочих и солдатских депутатов. Готовился их Всероссийский съезд, и было ощущение, что он-то и будет решать судьбу страны.

Бесконечной чередой в Петрограде следовали митинги, конференции, собрания. Что ни день, то возвращался из ссылки или из-за границы очередной знаменитый революционер, в связи с чем опять массовые сборища и демонстрации.

Словно плотный колпак сплоченной целеустремленности висел над огромными толпами. Бекетов в них будто попадал в единую волну и вместе со всеми что-то горланил, требовал, кому-то грозил. Циничный дезертир, не так давно застреливший своего командира, поддавшись общему настроению, ощущал, как по его щекам текут радостные слезы, а из глотки вырываются крики воодушевления и поддержки чему-то там очень важному и просто жизненно необходимому.

«Нет войне!», «Землю крестьянам!», «Фабрики рабочим!», «Вся власть Советам!» Здорово же! И он кричал и радовался. Будто морок какой на него находил. А потом очухивался и сам себя не понимал... До следующего митинга.

Потом дела пошли более горячие. Массовые митинги постепенно переходили в стрельбу. Начиналась серьезная борьба за власть. Текущее положение безвластия не могло продолжаться долго. И, нутром почуяв, что скоро здесь будет много крови, Бекетов рванул из Петрограда, оставив честь положить головы в борьбе за чью-то власть другим.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Потом с солдатскими шайками, где все именовали друг друга «братишками» и клялись в верности до гроба, он шарил по деревням и селам в средней полосе России. Ветром они шелестели по русским просторам, сметая все, что плохо лежит. Какая-то лихая волна новых времен несла их вперед.

Бекетов вовремя расстался с «братишками», почуяв, что недолго им осталось гулять. И постепенно стал смещаться в своих странствиях на юга. Поближе к своим родным краям — к Воронежской губернии. Там в Гремяченской волости раскинулось его родное село Восьмидесятное — с множеством крестьянских дворов, красивой каменной Архангельской церковью, земской школой и тремя винными лавками.

Вошел он в свой изрядно покосившийся за последние годы дом через десять дней после Октябрьской революции. И через две недели после того, как от чахотки умерла его жена. И если первое обстоятельство его взволновало, то смерть жены оставила совершенно равнодушным.

В селе у Бекетова издавна была репутация непутёвого бездельника. И, чтобы не остаться бобылем, что у крестьян считается свидетельством полной никчемности, пришлось жениться на незавидной невесте. Пелагея была худа, слаба, домашняя работа ее утомляла. Детей она дать мужу не смогла. Так и жили почти полтора десятка

лет — с трудом терпели друг друга. И теперь беглого солдата переход в ранг вдовца нисколько не смутил.

Гораздо больше не понравилось ему, что вещей в доставшемся ему от родителей доме стало куда меньше. Похоже, после смерти жены «добрые люди» принялись тащить отсюда все, что не приколочено к полу гвоздями. И это вызвало у него холодную ярость. Никогда он раньше не отдавал своего. Нечего и начинать.

Его неожиданное появление вызвало в селе фурор. Вернулся он в офицерской шинели и с Георгиевским крестом на груди. Соседи уважительно перешептывались — цену таким наградам в казачьих краях знали хорошо. Получается, жил Гордейка Бекетов бесполезной скотиной всю свою сознательную жизнь, а на войне вон как себя показал, героем стал. Бывает такое. Редко, но бывает... Эх, если бы знали селяне, что этот орден Святого Георгия он украл в Петрограде у подвыпившего кавалериста.

На могилу к жене он так и не удосужился сходить. Зачем? Что он ей скажет у могилы такого, что не сказал при жизни? Ни к чему это. Да и лень. И не до того.

Погода была гадкая. Зарядили унылые осенние дожди. Казалось, природа горько плачет и не может остановить поток своих слез. И какая-то слякотная апатия была на душе у Беке-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

това. И тревожило его понимание того, что необходимо определяться, как жить дальше. Нужно именно сейчас дать направление движения на годы вперед. Возраст у него солидный, так и до старости недалеко. А ни желаний, ни мыслей по поводу собственного будущего у него не имелось.

Через пару дней проснулся он утром от шума во дворе. Кто-то с кряканьем и матюгами перекапывал его огород.

Осторожно выглянув в окно, Бекетов увидел, что это Порфирий — младший брат его жены, бесполезный, непутевый, вечно пьяный. Но, в отличие от жены, в нем кипела буйная и бестолковая жизненная сила.

— Порфирий, ты чего творишь? — накинув шинель и выскочив из дома, завопил Бекетов.

Долговязый, с длинными, как у гориллы, руками, Порфирий мутным пьяным взглядом окинул своего родственника:

— Ух ты. Вернулся, заячий потрох! Не убил тебя германец!

— Тебе чего в моем огороде надобно? — осведомился Бекетов.

— Не твое это дело! — Порфирий опять начал копать.

— Это мой дом, пень ты королюбый!

— Пелагеи это дом. Она, баляба сопливая, тут деньжищи закопала! Мои!

— Чего? — изумился Бекетов.

Из последующих матюгов и объяснений своего шурина он понял, что в его пропитые мозги втемяшилось, будто сестре муж деньги с фронта слал, а она их в золотые червонцы переводила да закапывала. Как он до такой чепухи додумался — одному богу известно. Зато Бекетову сразу стало ясно, куда подевалась часть вещей из дома.

— Ты мое имущество украл! — заорал Бекетов. — Будет на тебя управа!

— Это на тебя управа будет. Ишь, вырядился, павлина ощипанная! — Покачиваясь и неожиданно потеряв интерес и к разговору, и к земляным работам, Порфирий двинулся прочь.

Пришел он на следующий день с требованием что-то ему отдать, припоминал какие-то несуществующие долги. Потом приходил еще. Грозился. Требовал деньги. Приданое сестры. Обещал прибить Бекетова за то, что тот Пелагеюшку, кровинушку родную, со света сжил. И теперь родственник по гроб жизни наливать ему горькую должен.

Сельский люд только смеялся, глядя на эти вечные балаганные представления. Да еще подначивали дурака — мол, копай, Порфирий, глубже, ищи золото с «керенками».

Однажды Порфирий заявился в гости, когда уже стемнело. Ногой распахнул дверь так, что

БЕСОВСКАЯ БАНДА

едва не сорвал с петель. И застыл в проходе, покачиваясь. Взгляд его был осоловелый и какой-то бешеный.

— Отдай все, что у моей семьи забрал! — заревел он, опершись о стену в сенях и озверело глядя на хозяина дома.

— Иди, проспись, ерохвост блудливый! — бросил раздраженно Бекетов.

Порфирий крикнул и набросился на него. Прижал к стене, принялся душить своими длинными сильными пальцами.

Вырваться из его хватки не было никакой возможности. И сознание Бекетова начало уплывать. А рука невольно нашарила топор, прислоненный к стене.

Извернувшись, Бекетов нанес удар по ноге шурина. Что-то хрустнуло под лезвием. Порфирий отшатнулся. Прислонился к стене. И как-то жалобно крикнул. Глаза наполнились болью.

— Ты... ты чего? — прохрипел он, присаживаясь на колено и поскуливая.

— Да вот так! — Бекетов размахнулся. Крикнул. И ударил обухом шурина по голове.

Тот, как ни странно, не рухнул как покошенный, не потерял сознания. Только присел поглубже, будто вдавившись в доски пола.

Тогда Бекетов размахнулся шире. Следующий удар вышиб из шурина дух... А потом еще один

удар. И еще. В груди Бекетова кипела злость, и она жаждала, чтобы ее выместили в полной мере.

Прислонившись к стене и уронив топор, Бекетов прикрыл глаза. Перевел дыхание. Потом с гадливостью посмотрел на нечто кровавое и бесформенное, что еще недавно было Порфирием. И ощутил удовлетворение и прилив ликования. Изувеченная человеческая плоть его не пугала. Много чего насмотрелся на войне. У этого хоть руки-ноги на месте. А вот избавить землю от негодяя Порфирия — это было здорово и как-то сладко.

Потом он присел на пол, в стороне от растекавшейся лужи крови. И сильно призадумался над тем, что делать дальше. Так и просидел с четверть часа.

Потом, кряхтя, поднялся. И поволок убитого шурина по полу. Тело было тяжелое, все время за что-то цеплялось. А физической силой Бекетов никогда не мог похвастаться.

Но все же дело он свое сделал. Бросил убитого в погреб. Дошел до своей кровати. И рухнул на нее.

Как ни странно, он сразу заснул. Провалялся в какой-то темный, без сновидений, сон. И проснулся поздним утром. Разом вспомнил все, что вчера произошло. А также вспомнил и о своем плане.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Он натаскал воды из колодца и попробовал замить кровь. Но натекло ее много, затиралась она плохо. Поэтому он просто забросал ее всяким тряпьем. Потом собрал вещи в тюки. И как ни в чем не бывало отправился к соседу, проживавшему через улицу. У того была телега с лошады, и он подрабатывал извозом.

Сосед был дома. Они быстро договорились о цене и подогнали телегу к дому. Перетащили в нее наиболее ценные вещи. И отправились в ближайший городишко.

Там у Бекетова еще со старых времен был знаковый скупщик-еврей. Он и взял все добро скопом, конечно, надув изрядно. Но куда еврею без этого.

Поздним вечером, вернувшись в свой дом, Бекетов посидел задумчиво за столом, освещенным слабым светом коптилки-масленки. Когда, наконец, отвлекся от тягостных раздумий-воспоминаний, за окнами уже была непроглядная ночь.

Он поднялся из-за стола. Собрал в котомку личные вещи. Надел офицерскую шинель. Да и запалил дом.

Уходил он в ночь, а за его спиной пылал пожар. И никаких тяжелых чувств по этому поводу Бекетов не испытал, хотя в доме прожило не одно поколение его семьи. Порвал он эту связь легко, как истлевшую от времени гнилую ткань.

Теперь назад ему пути не было. Пристроился он временно в деревне Свиридово в соседней во-

лости. Там в покосившемся бревенчатом доме жил бобылем его дальний и вечно пьяный непутевый родственник Борис, согласившийся принять гостя на постой за харчи и самогон.

Покинув родное село, Бекетов будто сбросил пудовую гирию. Ему стало легко и свободно. И он для себя все решил.

В своем сожженном доме он видел некий символ. Горел ведь не только его дом. Горела вся страна. И в таких условиях ковыряться в земле или работать на спичечной фабрике просто грех. Нужно прибиться к тем, кто решает и распределяет. Кто делит и отнимает. У кого есть ружье.

Нет, только не на войну. Ружье ведь пригодится и на мирных пажитях, чтоб пасти «овец», почему-то считающих себя людьми. Главное, чтобы это ружье тебе выдали по праву.

А для этого надо подаваться в Воронеж, благо дотуда всего-то чуть больше пятидесяти верст. Бекетов уже давно понял, что настоящая жизнь проходит в больших городах...

ГЛАВА 6

1932 год

— Вот, подкрепление к нам прибыло, — сказал заместитель начальника ОГПУ Державин, пригласивший для ритуала знакомства в свой ка-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

бинет непосредственных руководителей нового сотрудника. — Прошу любить и жаловать. Исай Лазаревич Апухтин. Большой искусник по убийствам.

— По раскрытию, — не сдержался Апухтин, которого все, кому не лень, именовали специалистом именно по убийствам. — Извините.

Он поднялся из-за стола, давая рассмотреть себя во всей красе.

— Ну да. По убийствам у нас другие специалисты, — как-то многозначительно произнес Державин, бросив выразительный взгляд на одного из своих подчиненных.

Апухтин кратко изложил свою не слишком обширную и далеко не героическую биографию, которая собравшихся сильно не впечатлила. Ответил на несколько дежурных вопросов.

Слова Державина о том, что Апухтин в Управлении РКМ хотя и числится простым оперуполномоченным оперативного отдела, но все же на особом положении и напрямую подчиняется ему, конечно, непосредственных начальников должны были сильно задеть. Но эти два человека отнеслись к сему обстоятельству на удивление спокойно. Вообще, Апухтин видел, что здесь царит достаточно деловая обстановка и строгая дисциплина. Это когда на руководящие указания отвечают: «надо, значит, надо», а не «может, не надо» или «на черта это надо».

На этом совещании к Апухтину присматривались. Присматривался и он.

Вон что-то отмечает в блокноте карандашом начальник Управления рабоче-крестьянской милиции Якунин. Он, похоже, из старых кадровых офицеров — возраст под пятьдесят, подтянутый, суховато-вежливый, невозмутимый, с горделивой военной осанкой. Наверняка службист и педант, что для его должности нормально.

А начальника угрозыска Василия Васильева, насупившегося и скрестившего руки на груди, вообще можно было бы принять за выдавшего виды матерого уголовника. На лбу глубокая морщина, железная фикса во рту, насмешливый прищуренный взгляд, манера цедить слова, хищные движения, кривая ухмылка, ну и лексикон, щедро пересыпанный жаргоном и специфическими разыскными словечками. Но Апухтина это не удивляло. Он к таким персонажам давно уже привык.

В уголовный розыск часто набирали людей ушлых, прожженных. А иногда бывших уголовных, деятельно раскаявшихся и выражающих стремление побороть гидру преступности. Таким пути назад уже не было — на той стороне перебежчика быстро на ножи поставят. Так что рвали они своих бывших собратьев яростно и бескомпромиссно.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Ну что ж. У матерых разыскников своя философия и своя правда. Они существовали в вечном состоянии борьбы не на жизнь, а на смерть. Если прокурорских с их бумагами и кодексами можно приравнять к таким вальяжным породистым псам правосудия, то сотрудники угрозыска больше походили на стайных волков, в любой момент готовых вцепиться в глотку врагу в кровавой сваре, прямо идущих на цель и готовых пожертвовать для общего дела всем. Они и пугали, но и восхищали Апухтина. Вот и начальник краевого угрозыска был из такой породы.

По окончании совещания Апухтина сдали с рук на руки Васильеву. И прямо в коридоре тот сразу расставил все точки и запятые.

— Запомни, Прокурор. Ревности и обид на залетных умников и на то, что нам, местным, якобы не доверяют, у меня нет. Главное у нас — это дело. Чтобы наша земля невинной кровью не заливалась. Сделаешь дело — будем тебя на руках носить. Не сделаешь — ну что ж, у прокуроров такое случается.

— Так же, как и у оперативников, — огрызнулся Апухтин.

Васильев не обиделся, а лишь добродушно усмехнулся и хлопнул его по плечу:

— Это точно. В калошу мы тоже садиться умеем... А теперь пошли, аналитик...

Начальник угрозыска провел нового подчиненного в крошечную комнату в подвале. Там стоял огромный железный и очень корявый на вид сейф. Просторный стол был завален бумагами. В углу на подставке возвышался бюст Ленина, неизвестно зачем залетевший сюда. Запах был пыльно-бумажный, так что Апухтин расчихался.

— Вот твоя каморка, — обвел рукой начальник угрозыска помещение, и правда походившее на каморку папы Карло. — Вот твои материалы. Разберешься. Потом решишь, что к производству принять. Эх, мне бы так...

Он вытащил из кармана кожаной куртки и бросил со стуком на стол ключи от сейфа и от кабинета, а также печать.

— Работай. Текущие вопросы, направление запросов и ориентировок — все через меня или моего заместителя. По обустройству и снабжению — это к тыловику, он мужик отзывчивый.

Потом он внимательно посмотрел на Апухтина и неожиданно произнес:

— С Кречетовым на днях по телефону разговаривал. Старый мой друг, разведа только нас судьба.

— И что Кречетов? — напряженно спросил Апухтин. Оказывается, Васильев знаком с начальником Свердловского угрозыска.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

— Сказал, что ты как кабан лесной носом землю роешь. И никогда не отступаешь. В общем, наш человек. Думаю, сработаемся.

— Носом землю, — усмехнулся Апухтин. — Это всегда. Знать бы только, где желуди искать.

— Найдем, — заверил Васильев.

Когда дверь за ним закрылась, Апухтин уселся на стул, накинув на плечи пальто — в кабинете было довольно прохладно. Просидел минут десять, погрузившись в свои не слишком веселые, придавленные, как пресс-папье, грузом ответственности мысли.

А потом отодвинул усилием воли прочь все сомнения. Вытащил из своего шикарного портфеля темно-синие нарукавники — это такие матерчатые чехлы, которые надеваешь поверх рукавов, чтобы локти не вытирались. Он всегда их таскал с собой, иначе костюма надолго не хватит. Нацепил их. И раскрыл первую папку...

ГЛАВА 7

1917–1918 годы

До Воронежа Бекетов добрался в декабре 1917 года. Там наблюдалось уже знакомое ему революционное бурление. События происходили судьбоносные. В соответствии с решением ВЦИК устанавливался рабочий контроль над

банками, торговлей, промышленностью и железными дорогами. Создавались рабочие отряды для его осуществления, а также для организации нормальной жизни и общего хозяйствования. И, главное, для обеспечения населения продовольствием, которого стало катастрофически не хватать.

Бекетов тут же попытался ринуться со всей своей нерастроченной дурной энергией и прыжливостью в этот кипящий котел. Он отчаянно толкался локтями в Советах, хватал за рукав комиссаров, долдоня, что он в окопах за большевиков пропагандировал, в царских тюрьмах за это сидел, а потом в самом Петрограде революцию делал.

Был у него с детства полезный для него талант — говорить и врать крайне убедительно и искренне. Умел он заболтать собеседника и вызвать доверие. В итоге его едва не записали красным командиром. Как раз в это время атаман Каледин объявил, что не признает советскую власть, а весь Дон отныне под Войсковым правительством, а это на деле означало его жесткую личную диктатуру. Вот и постановил исполком Воронежского совета создать специальный отряд Красной гвардии для борьбы с самозванцем. И теперь на это дело набирали добровольцев, готовых геройски сложить голову за рабочее дело.